

Лит. запись - 1990 - 28 ноября 1940 - с. 4

Перед нами — малоизвестные, практически недоступные читателям тексты, имеющие важнейшее значение для точного и правдивого представления о послереволюционной позиции Александра Блока. «Записка о «Двенадцати» опубликована в издании, давно ставшем библиографической редкостью, и полностью не воспроизводилась в нашей стране уже несколько десятилетий (за помощь в подготовке текста по рукописи, хранящейся в ИРЛИ, выражаем признательность Д. Магомедовой). Речь в ней, в частности, идет о драматической судьбе партии левых эсеров, газеты «Знамя труда» и журнала «Наш путь». Заметка «Издательство «Алконост» напечатана более четверти века назад в тартуском «Блоковском сборнике» (в сообщении И. Чернова) небольшим тиражом.

Высказывания поэта объединены идеей свободы — свободы духовной, творческой, политической.

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

Записка о «Двенадцати»

С начала 1918 года, приблизительно до конца Октябрьской революции (3—7 месяцев?) существовала в Петербурге и Москве свобода печати; т. е., кроме правительственных агитационных листов, были газеты разных направлений и доживали свой век некоторые журналы (не из-за отсутствия мыслей, а из-за разрушения типографского дела, бумажного дела и т. д.); кроме того, в культурной жизни, в общем уже тогда заметно убывавшей, было одно особое явление: одна из политических партий, пользовавшаяся во время революции поддержкой правительства, утратив место и культуру: сравнительно много места в большой газете и почти целиком — еженеделный журнал. Газета выходила месяцев шесть, кроме предшествующего года; журнал на втором номере был придержан и потом — воспрещен.

Небольшая группа писателей,

участвовавших в этой газете и в этом журнале, была настроена революционно, что и было причиной терпимости правительства (пока оно относилось терпимо к революции). Большинство других органов печати относилось к этой группе враждебно, считая ее даже собранием прихвостней правительства. Сам я участвовал в этой группе, и травля, которую поднимали против нас, мне очень памятна. Было очень мелкое и гнусное, но было и острое.

Иных из тогдашних врагов уже нет на свете, иные — вне предела бывшей (и будущей) России; со многими я помирился даже лично; только один до сих пор не подает мне руки.

Недавно я говорил одному из тогдашних врагов, едва ли и теперь противящему мне мою деятельность того времени, что я, хотя и не мог бы написать теперь того, что писал тогда, не отрекаюсь ни в чем от писаний то-

Издательство «Алконост»

Издательство «Алконост» не стесняло себя рамками литературных направлений. Тот факт, что вокруг него соединились писатели, примыкающие к символизму, объясняется лишь тем, что именно эти писатели по преимуществу оказались носителями духа времени. Группа писателей видит размеры разветвляющихся мировых событий, наступление которых она предчувствовала и предсказывала. Поэтому она обращена лицом не к прошедшему, тем менее — к настоящему. Она с тревогой всматривается в будущее. Этим определяется лицо издательства и объясняется имя сумрачной и вещей русской птицы, которое она носит.

Закрытие всех частных издательств

и объединение издательского дела в государственном было бы новым шагом к опрощению жизни, к уничтожению остатков культуры. Наблюдение над жизнью, чтение книги — приучили нас понимать, что ничто уродливо.

[Закрытие лавок уже привело к тому, что люди всех специальностей тратят рабочее время, силы и подметки на хождение с Большого проспекта на Миллионную и стояние в очереди перед «объединенной» лавкой.]¹ Новый опыт с издательствами долженствует, очевидно, сделать все человеческие мысли и мечты нищими, под-

¹ В рукописи зачеркнуто. — Ред.

Александр БЛОК

К 110-летию
со дня рождения

го года. Он отвечал мне, что не мог тогда сочувствовать движению, ибо с самого начала видел, во что оно выльется; меня же понимает постольку, поскольку знает, что я более «отдаюсь» стихии, чем он.

Это совершенно верно: в январе 1918 года я последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большим шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, будь они враги или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда пронесшийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой; и в этом станке воды тоже происходила тогда буря — легко сказать: говорили об уничтожении дипломатии, о новой юстиции, о прекращении войны, тогда уже четырехлетней! — Моря природы, жизни и искусства разбухали, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радуго, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики.

Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец, — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому «Двенадцать» прочтут когда-нибудь в наши времена. Сам я теперь могу говорить об этом только с иронией; но — не будем сейчас брать на себя решительного суда.

1 апреля 1920

стриженными, похожими одна на другую, чтобы вслед затем объединить их одной газетной передовицей, превратить лебедей в единую курицу:

Своя провинция,

посмотришь вечером —

Он чувствует себя здесь

маленьким царьком

и полагает, что усилия отдельных людей могут устроить разрушенную жизнь. Это — в то время, когда особенно чувствуются слова Гейне: «индивидуальный дух исчез, возник дух всеобщий». В то время, когда в Европе неуверенно растет общественная жизнь, ее формы бесконечно усложняются. Интернационализм дает о себе знать на каждом шагу — в смешении языков разных наций, в воздушных сообщениях, и т. д.

К счастью, мечта и мысль человека устроены разнообразнее, чем желудок и ноги; у некоторых они даже вовсе не поддаются провинциализации.

<1921>

«Открой мои книги: там сказано всё, что свершится»

КАК РЕШАЛАСЬ СУДЬБА ПОЭТА

О последних днях Блока Андрей Белый писал: «...в первое время его надо было скорей на воздух — в образцовую санаторию; таковые были в Финляндии; Горький хлопотал в Москве, но — НЕ ПУСТИЛИ; пустили Сологуба, а Блоку отказали; лишь после настойчивого письма и разъяснения Луначарского — Блока пустили, но — поздно: он уже не мог ехать: канцелярщина и бумажное производство и тут погубили: внесли свою лепту в разрушение его жизни...»

Сегодня мы можем по документам проследить эту драматическую историю.

гласие Ленина, разрешения на поездку не получил. Победела точка зрения Менжинского. В постановлении Политбюро было записано: «Поручить Наркомпроду позаботиться об улучшении продовольственного положения Блока».

Узнав о решении Политбюро, Горький писал Луначарскому: «...умирающего А. А. Блока, который по глубокой честности своей не скажет ни слова хулы на Советское правительство, — Блока не пустили лечиться в Финляндию, а заведомых врагов Совласти отпускают по три штуки сразу. Это — странно. Можно предположить, что мнение Горького о постановлении Политбюро укрепило Луначарского в намерении послать протест в ЦК РКП(б). 15 июля он и направил туда свое «настойчивое письмо», о котором вспоминал Андрей Белый. Это письмо впервые печатается здесь полностью:

«Сообщение мне решения ЦК РКП по поводу Блока и Сологуба кажется мне плодом явного недоразумения. Трудно представить себе решение, нерациональность которого в такой огромной мере бросалась бы в глаза. Кто такой Сологуб? Старый писатель, не возбуждающий более никаких надежд, самым зловещим и ядовитым образом настроенный против Советской России, ведущий с собой за границу злобную сатиру под названием «Китайская Республика равных». И этого человека, относительно которого я никогда не настаивал, за которого я, как Народный Комиссар Просвещения, ни разу не ругался (да и было бы бессовестно), о котором я говорил только, что я поставлен в тяжелое положение, ибо ВЧК не отпускает его, а Наркомпрод и Наркомфин не дают мне средств его содержания, этого человека Вы отпускаете. Кто такой Блок? Поэт молодой, возбуждающий огромные надежды, вместе с Брюсовым и Горьким главное украшение всей нашей литературы, так сказать, вчерашнего дня. Человек, о котором газета «Таймс» недавно написала большую статью, называя его самым выдающимся поэтом России и указывая на то, что он признает и восхваляет Октябрьскую революцию.

В то время как Сологуб попросту погоняет, имея, впрочем, большой заработок, Блок заболел тяжелой ипохондрией, и выезд его за границу признан врачами единственным средством спасти его от смерти. Но Вы его не отпускаете. При этом накануне получения Вашего решения я говорил об этом факте с В. И. Лениным, который просил меня послать соответствующую просьбу в ЦК, а копию ему, общая всячески поддержку отпуску Блока в Финляндию.

Но ЦК вовсе не считает нужным прервать Урядного Комиссара по Просвещению его мотыги, рассматривает эти вопросы загадочно и, конечно, совершает грубую ошибку. Могу Вам заранее сказать результат, который получится вследствие Вашего решения. Высоко даровитый Блок умрет недели через две, а Федор Кузьмич Сологуб напишет по этому поводу отчаянную, полную брани

и проклятий статью, против которой мы будем беззащитны, так как основание этой статьи, то есть факт, что мы уморили талантливейшего поэта России, не будет подлежать никакому сомнению и никакому опровержению.

Копию этого письма я посылаю В. И. Ленину, заинтересовавшемуся судьбой Блока, и тов. Горькому, чтобы лучшие писатели России знали, что я в этом [пусть ЦК простит мне это выражение] легкомысленном решении насколько не повинен» [Архив А. М. Горького].

Конечно же, благодаря этому письму Политбюро вернулось к вопросу о выезде Блока в Финляндию. 23 июля у членов Политбюро было запрошено по телефону согласие пересмотреть принятое ранее постановление относительно поэта Блока и разрешить ему ехать за границу по состоянию здоровья.

На этот раз разрешение было получено. Но в постановлении ничего не было сказано о возможности выезда с Блоком его жены, без которой он ехать не мог. К тому же болезнь его прогрессировала. 29 июля Горький телеграфировал Луначарскому из Петрограда: «У Александра Блока острый эндокердит. Положение крайне опасно. Необходим спешный выезд Финляндию. Решительно необходим провожатый. Прошу Вас хлопотать о разрешении выезда жене Блока. Анкеты посылаю. Спешите, иначе погибнет». 1 августа Луначарский обратился в ЦК РКП(б) с новым заявлением: «Прилагаю при сем срочную телеграмму М. Горького об отпущенном согласно решению ЦК РКП А. Блоке, очень прошу ЦК признать возможным выезд жены его и уведомить об этом решении Наркоминдел и ВЧК. Нарком по просвещению А. Луначарский». На этом заявлении секретарем ЦК В. М. Молотовым написана резолюция: «Возражений не встречается», и Луначарский телеграфировал Горькому теми же словами: «К выезду жены Блока стороны высшего органа возражения не встречаются».

Неожиданно возникла новая задержка: «выяснилось, что какой-то Московский отдел потерял анкеты и потому нельзя было выписать паспорта», — писала Е. Ф. Книпович К. И. Чуковскому. 3 августа новые анкеты были заполнены, и 6 августа секретарь издательства «Всемирная литература» Е. П. Струкова передала их Горькому, который уезжал в Москву. «...Виза, санатория, проезд — все обеспечено. Необходимо только срочно получить паспорта для А. А. и для его жены», — писала она Горькому. 7 августа в Москву должна была выехать Е. Ф. Книпович, она хотела помочь Горькому в хлопотах. Ближайшие надежды спасти Блока. Еще 2 августа Л. Д. Блок писал его матери, А. А. Кублицкой-Пиотух: «Пекелис (лечащий врач. — Н. Д.) твердо надеется, я тоже вымываю себе надежду. Бог даст, уедем, дождем до лучших дней».

Но 7 августа Блок скончался.

Н. ДИКУШИНА